

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

DOI: 10.31696/S086919080029997-3

ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕИНДИЙСКИХ ТЕКСТОВ
КАК КЛЮЧЕВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РАННЕЙ ЯПОНСКОЙ БУДДОЛОГИИ

© 2025

Е.О. НОВОСЁЛОВА ^а^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-1376-8871; estelens@mail.ru

Резюме: В конце XIX – начале XX века японская буддология трансформировалась в полноценную академическую дисциплину, и основополагающую роль в этом процессе сыграло изучение древнеиндийских буддийских текстов. Хотя работа с манускриптами на санскрите стабильно совершенствовалась на протяжении всей истории Японии, начиная с эпохи Нара (яп. 奈良時代; Нара-дзидай) (710–794), к эпохе Мэйдзи (яп. 明治時代; Мэйдзи-дзидай) (1868–1912), индология превратилась в фундамент зарождавшегося японского религиоведения. В то же время, обладая обширной базой источников и соединив европейские эмпирические методы с традиционными подходами собственной текстологической традиции, японские ученые быстро получили международное признание, а индология превратилась в одну из областей исследований, где они оказались способны конкурировать с европейскими коллегами на равных. Настоящая статья посвящена текстологическим исследованиям индийского буддизма периода Мэйдзи как одного из ключевых направлений японской буддологии и ставит целью продемонстрировать, как данные исследования определили общий вектор развития японской индологии и буддологии, а также породили тенденции, существующие и в современном японском религиоведении. Автор выделяет и подробно анализирует три ключевых аспекта изучения индийских буддийских текстов в эпоху Мэйдзи, способствовавших академизации дисциплины и определивших специфические черты этого процесса. Данные аспекты включают: роль исследований индийского буддизма как «нейтрального» поля исследований, объединившего представителей различных буддийских школ, из чьих кругов преимущественно происходили первые японские религиоведы; роль индийских буддийских текстов во взаимном интеллектуальном обмене европейских и японских буддологов; роль кафедр индологии и индийской философии как образующих для других гуманитарных кафедр двух ведущих японских университетов. Также в статье кратко приводится политический контекст изучения индийских буддийских текстов в Японии в исторической динамике.

Ключевые слова: индология, текстология, японский буддизм, индийский буддизм, Мэйдзи

Для цитирования: Новосёлова Е.О. Исследования древнеиндийских текстов как ключевое направление в ранней японской буддологии. *Восток (Oriens)*. 2025. № 1. С. 236–245. DOI: 10.31696/S086919080029997-3

STUDIES OF ANCIENT INDIAN TEXTS AS A KEY DIRECTION
IN EARLY JAPANESE BUDDHOLOGY

© 2025

Evgenia O. NOVOSELOVA^a^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-1376-8871; estelens@mail.ru

Abstract: At the turn of the 19th – 20th centuries, Japanese Buddhology underwent transformation into a full-fledged academic discipline, with the study of ancient Indian Buddhist texts having played fundamental role in the process. Although analysis of Sanskrit manuscripts had been steadily perfected throughout Japanese history, starting from the Nara period (奈良時代; Nara-jidai) (710–794), by the Meiji period (明治時代; Meiji-jidai) (1868–1912), Indology has become the foundation for the emerging Japanese religious studies. Simultaneously, extensive source base and European empirical methods combined with those of native textual tradition allowed Japanese scholars to quickly gain international recognition and compete with their European colleagues on equal grounds. The article examines Indian Buddhism textual studies of the Meiji period as one of the Japanese Buddhist Studies' key fields, aiming to demonstrate their influence on the development of Japanese Indology and Buddhology which gave rise to trends found in modern religious studies. The author identifies and analyzes three key aspects of the Meiji era Indian Buddhist textual studies that started the discipline's academicization: Indian Buddhist Studies as a "neutral" research field that united representatives of various Buddhist schools many Japanese scholars came from; role of Indian Buddhist texts in the mutual intellectual exchange between European and Japanese Buddhologists; role of Indology and Indian philosophy departments as origins of other humanities departments. The article also provides a summary of political context and historical dynamics for the study of Indian Buddhist texts in Japan.

Keywords: Indology, textual studies, Japanese Buddhism, Indian Buddhism, Meiji

For citation: Novoselova E.O. Studies of Ancient Indian Texts as a Key Direction in Early Japanese Buddhology. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 1. Pp. 236–245. DOI: 10.31696/S086919080029997-3

Буддийские манускрипты появились в Японии в VI веке параллельно распространению буддийской веры и реликвий, подаренных корейским государством Пэкче, однако их изучение долгое время оставалось привилегией высших слоев общества. Отчасти это было обусловлено политическим значением буддизма как государственной идеологии. Например, принц Сётоку-Тайси (яп. 聖徳太子) (574–622) осыятил свою Конституцию семнадцати статей (яп. 憲法十七条; Кэмпо: дзю:сити-дзё:), составленную в 604 году, чтением «Ушниша виджая дхарани-сутры» (санскр. उष्णीष विजय धारणी सूत्र; яп. 仏頂尊勝陀羅尼經; Бутё:сонсё: дарани-кё:). Принц также занимался изучением сутр, и ему приписывается авторство комментария «Толкование смысла трёх сутр» (яп. 三経義疏; Сангё: гисё:), к «Саддхарма-пундарика-сутре» (санскр. सद्धर्मपुण्डरीकसूत्र; яп. 法華經; Хокэ-кё:), «Шрималадэви-симханада-сутре» (санскр. श्रीमालादेवी सिंहनाद सूत्र; яп. 勝鬘經; Сё:ман-гё:) и «Вималакирти-нирдеша-сутре» (санскр. विमल कीर्ति निर्देश सूत्र; яп. 維摩經; Юйма-кё:). В то же время некоторые из приобретенных японцами текстов были написаны на смеси китайского и санскрита, как вышеуказанная «Саддхарма-пундарика-сутра», что усложняло их понимание. Это способствовало популяризации таких практик, как переписывание сутр, где подобные тексты использовались как негерменевтические. В частности, по этой причине

не потерпел неудачу проект массовой ксилографической печати «Великой Дхарани–сутры непорочного и чистого света» (яп. 無垢淨光陀羅尼經; *Муко дзё:ко: дарани-кё:*) императрицы Кокэн (яп. 孝謙天皇; *Ко:кэн-тэнно:*) (718–770), поскольку текст сутры был слишком громоздким для переписывания и трудным для толкования [Kornicki, 2016, p. 49].

Таким образом, первые систематизированные исследования буддийских текстов на санскрите принято относить к периоду Нара (яп. 奈良時代; *Нара-дзидай*) (710–794), а именно к 736 году, когда в Японию прибыл индийский монах Бодхисена (яп. 菩提僊那) (704–760), основавший школу Кэгон (яп. 華嚴宗; *Кэгон-сю:*) и преподававший санскрит японским монахам. К началу эпохи Хэйан (яп. 平安時代; *Хэйан-дзидай*) (794–1185) получила распространение практика обучения чтению санскрита в Китае у индийских наставников. Так совершенствовались знание санскрита основатель буддийской школы Сингон (яп. 真言宗; *Сингон-сю:*), Кукай (яп. 空海) (774–835), хотя считается, что он овладел лишь умением читать памятования-дхарани, и ученик основателя школы Тэндай (яп. 天台宗; *Тэндай-сю:*), Сайтё (яп. 最澄) (767–822), Эннин (яп. 円仁) (793–864), изучавший правила чтения на санскрите, но не грамматику [Kotyk, 2021, p. 254–255]. В этот период появились первые японские письменные труды по буддийской логике – *хэтувидье* (яп. 因明; *инмё:*). Например, монах Гомё (яп. 護命) (750–834) из школы Хоссо (яп. 法相宗; *Хоссо-сю:*) посвящал ей отдельный раздел в своем труде «Божественный устав изучения проявления дхарм в Махаяне» (яп. 大乘法相研神章; *Дайдзё: хоссо: кэнсин-сё:*) в 830 году, опираясь на трактат «Ньяяправеша» (санскр. न्यायप्रवेश; яп. 因明入正理論; *Инмё: ниссё: рирон*). Изучение индийских текстов совершенствовалось на протяжении всей эпохи. Так, уже к концу периода, в 1154 году монах Дзёэнэн (яп. 靜然) (годы жизни неизвестны) в своем труде «Краткое изложение рощи практик» (яп. 行林抄; *Гё:рин-сё:*) предложил подробный анализ санскритских строф из различных дхарани в попытке расшифровать значение отдельных слов.

Параллельно на политической арене неотвратимо возростала автономия буддийских монастырей, обладавших собственными войсками и контролировавших связанные с ними города и пути (например, паломнический и торговый маршрут *Кумано-кодо:* (яп. 熊野古道)). В последовавший период Камакура (яп. 鎌倉時代; *Камакура-дзидай*) (1185–1333) буддизм начал постепенно распространяться в народной среде усилиями новых школ подчеркнуто сотериологической направленности, таких, как амидаистская Дзёдо (яп. 浄土宗; *Дзёдо:-сю:*) наставника Хонэна (яп. 法然) (1133–1212). Традиционно регулировавший отношения *сангхи* и государства с VII века принцип единства императорского и буддийского закона (яп. 王法仏法相依論; *о:бо: буппо: со:и рон*) же постепенно утрачивал свое значение с возвышением военного сословия. Своего апогея процесс автономии буддийских монастырей достиг в Эпоху воюющих провинций (яп. 戦国時代; *Сэнгоку-дзидай*) (1467–1615), в это же время распространение получили радикальные буддийские движения, такие как *Икко:* *Икки* (яп. 一向一揆), отрицавшие авторитет властных и религиозных институтов и пропагандировавшие эгалитаризм, опираясь на восемнадцатый обет Будды Амиды о спасении всего живого без исключений.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что с окончанием Эпохи воюющих провинций и установлением сёгуната Токугава (яп. 徳川幕府; *Токугава бакуфу*) в 1603 году буддизм потерял государственную поддержку в пользу конфуцианства, а права и имущество храмов были ограничены. Тем не менее именно в этот период, ко второй половине XVII века, появились первые систематизированные исследования индийских буддийских текстов. Инициировали данный процесс интеллектуалы появившихся на фоне смены правительственной идеологии конфуцианской (яп. 漢学; *кангаку*) и нативистской (яп. 古学; *кокугаку*) философских школ, вычитывавшие буддийский канон с целью критики учения. Полемика между сторонниками и противниками буддизма заставляла обе стороны обращаться к

основам учения, что стимулировало развитие обособленной традиции филологического анализа текстов на санскрите и пали, опиравшейся на конфуцианский текстологический метод *каочжэн* (кит. 考證; «доказательное изучение») или *косё-гаку* (яп. 考証学). Этот метод, созданный в середине XVIII века школой текстологической критики *Цяньцзя* (кит. 乾嘉學派), заключался в историко-филологическом анализе поздних источников времен династии Мин и сопоставлении их с классическими текстами времен Конфуция, принятыми за эталон, с целью датирования и установления изменений фактологических данных. Изменения, обнаруженные в поздних текстах, признавались фальсификацией [Richter, 1986, p. 62–64]. Нативистская школа также обладала собственным методом, разработанным монахом школы Сингон Кэйтю: (яп. 契沖) (1640–1701) для анализа древнеяпонского поэтического сборника «Собрание мириад листьев» (яп. 万葉集; «*Манъё:сю:*»). Заключался он в создании фонетической матрицы, «вертикаль» которой выступали схожие звуки, а «горизонталь» – отличные. Метод получил название *канадзукай* (яп. 仮字用格) [Storm, 2012, p. 110]. Однако внимание нативистов было сосредоточено на японских текстах. Поэтому в работе с источниками на санскрите, как и с источниками на китайском, применялся преимущественно *каочжэн*. Следует также отметить, что первые ученые *кангаку* и *кокугаку* сами были разочаровавшимися в буддизме монахами, а поэтому тот факт, что сторонники и противники буддизма использовали одинаковые инструменты, не удивителен. К тому же многие традиционно изучавшиеся японцами древние пособия по санскриту были также написаны на китайском языке, что способствовало продолжению изысканий в русле китайской традиции. А благодаря рассвету печатной культуры и содействию эмигрировавших в Японию после падения династии Мин в 1644 году ученых-конфуцианцев, подходы к изучению китайских и индийских текстов были в значительной степени усовершенствованы.

Плодом изысканий японских исследователей данного периода стало внушительное собрание трудов, посвященных Индии, начиная с этнографических очерков, таких как «Записи об услышанном в Западных краях» (яп. 西洋記聞; «*Сэйё: кибун*») Араи Хакусэки (яп. 新井白石) (1657–1725) и карт Индии Ямамура Сайскэ (яп. 山村才助) (1770–1807), и заканчивая сравнительными исследованиями грамматики санскрита и японского языка. Ярким примером последних являются «Новые заметки по лингвистике» (яп. 語学新書; «*Гогаку Синсё*») Цурумунэ Сигэнобу (яп. 鶴峯戊申) (1786–1859). Более того, до получивших в XVII веке распространение дополненных сведениями китайских и европейских путешественников этнографических атласов, Индия воспринималась японцами как преимущественно буддийская страна [Rambelli, 2014, p. 280–281]. Мотивацией написания большинства обозначенных сочинений, так или иначе, служила потребность в совершенствовании знаний об индийском буддизме для обоснования критики или защиты учения: так, карта Индии зачастую служила негерменевтическим текстом для неспособных покинуть Японию паломников, а лингвистический анализ преследовал целью реставрацию древних источников и поиск истоков происхождения буддизма.

Особенно следует выделить появившиеся в это время ранние систематические переводы индийских текстов и учебники по санскриту, написанные японцами. Среди них были как отредактированные старинные словари, например, «Сборник с соответствующими выражениями на китайском и санскрите» (яп. 唐梵語雙對集; «*То: бонго со:цусю:*») – анонимный текст 864 года, переписанный монахом Дзякугон (яп. 寂嚴) (1702–1771), так и оригинальные труды, как, например, «Руководство по изучению санскрита» (яп. 梵学津梁; «*Бонгаку синрё:*») 1766 года за авторством монаха Дзиун Онко: (яп. 慈雲飲光) (1718–1804) из школы Сингон-Винайи (яп. 真言律宗; Сингон Риссю:). Последний труд, состоявший из тысячи томов и разделенный на семь тематических разделов, включал в себя, помимо компиляции фундаментальных буддийских текстов на санскрите и комментариев к ним, собрание

заметок по грамматике и транскрипции санскрита, толковый словарь имен и терминов, а также косвенные источники и китайские переводы текстов. Он представлял собой наиболее полное пособие эпохи по чтению буддийских текстов на санскрите [Окукадзэ, 2019, с. 32]. Этот масштабный труд опередил первые европейские переводы с санскрита на двадцать лет и оставался релевантным образцом скрупулезной работы с древними источниками для японских ученых эпохи Мэйдзи, обучавшихся в университетах Европы, в частности, отца японской академической санскритологии Нандзё: Бунью (яп. 南条文雄) (1849–1927).

Таким образом, к началу эпохи Мэйдзи в Японии уже существовала собственная традиция изучения индийских текстов, и, что немаловажно, японские ученые располагали широким кругом буддийских источников не только из Индии, но также из Китая, Кореи и Южной Азии. Фактором популярности изучения индийского буддизма среди молодых японских ученых, оказались также внутренние ограничения со стороны *сангхи*. Первое поколение японских академиков состояло преимущественно из буддистов, что способствовало сотрудничеству с храмами и облегчало доступ к находившимся в их ведении текстам. Тем не менее это также означало, что возможность критики исследователем догматов собственной школы была ограничена. Так, религиоведы Мураками Сэнсё: (яп. 村上專精) (1851–1929) и Маэда Эун (яп. 前田慧雲) (1857–1930) были изгнаны из *Дзё:до:-синсю:* за идею, что сутры *Махаяны* были составлены после смерти Будды Шакьямуни [Руде, 2003, р. 17]. Изучение же индийского буддизма служило нейтральным полем исследований для представителей разных буддийских школ и поэтому притягивало амбициозных ученых.

Так или иначе, возможность работать одновременно с текстом на санскрите и с его китайским или корейским переводом оказалась существенным преимуществом японских буддологов перед западными коллегами, сосредоточившими свое внимание исключительно на санскрите и пали. Исключительный интерес европейцев к индийским источникам объяснялся попытками реконструировать изначальное учение Будды, поэтому более поздняя, с их точки зрения, традиция *Махаяны* представляла меньшую исследовательскую ценность. Вместе с теорией и методами сравнительного религиоведения обучавшиеся на Западе японские ученые заимствовали и интерес к проблеме Палийского канона.

Если европейское религиоведение помогло японским ученым усовершенствовать эмпирические методы исследования, те, в свою очередь, предложили европейским ученым новые источники. Показателен в этом отношении пример священника школы *Дзё:до:-синсю:* (яп. 浄土真宗) Нандзё: Бунью, в 1876 году приехавшего учиться в Оксфорд у Макса Мюллера (1823–1900) – одного из ведущих английских санскритологов. В 1870 году Макс Мюллер выпустил труд «Введение в науку о религии», положивший начало сравнительному религиоведению. В этом сочинении он впервые применил к изучению религии методы сравнительной филологии, что в сочетании с особенностями отдававших предпочтение текстовому анализу традиций *кангаку* и *кокугаку*, близких его японским ученикам, сделало превалирование филологического инструментария характерной чертой японской индологии, а впоследствии и буддийских исследований в целом. В свою очередь, Нандзё: Бунью в 1883 году, взяв за основу труды Онко: Дзиун, выпустил масштабный труд «Каталог китайских переводов буддийской Трипитаки» на английском, впервые ознакомив европейских ученых с китайскими каноническими текстами. Каталог Нандзё: позволил точно датировать многие индийские буддийские источники посредством компаративного анализа оригиналов на санскрите и их китайских переводов. Например, таким образом удалось выявить сохранившиеся в китайском переводе, но не в версии на санскрите, четыре обета (18–21) Амиды в «Большой Сукхавативьюха-сутре» (санскр. सुखवतीव्यूह; кит. 淨土三部經; *Цзинту сань бу-цзин*; яп. 無量寿經; *Мурё:дзю-кё:*) [Stortini, 2020, р. 137]. Ученый также принимал активное участие в развитии курируемой С.Ф. Ольденбургом авторитетной серии переводов

буддийских публикаций “*Bibliotheca Buddhica*”, а вернувшись на родину в 1884 году, начал преподавать санскритологию в Токийском университете, став первым в Японии носителем степени – доктора литературы [Руе, 2003, р. 16–17]. Под европейским влиянием в работах Бунью и его современников, например, ведущего составителя японо-санскритских и китайско-санскритских словарей буддийской терминологии Огивара Унрай (яп. 荻原雲来) (1869–1937), компиляция текстов стала производиться в хронологическом порядке, а не по принадлежности к школе или патрилинейной преемственности. Таким образом, индийские буддийские тексты стали ключевой точкой взаимного интеллектуального обмена западных и японских ученых: японские ученые заимствовали методы, в то время как европейские ученые значительно расширили источниковую базу текстов на санскрите и пали, а также их переводов благодаря этому сотрудничеству.

Следует также отметить, что исследования японских индологов первого поколения в значительной степени были ориентированы на международные публикации. В 1885 году в Оксфордском “*Clarendon Press*” вышел совместный англоязычный перевод буддийского глоссария «Дхарма Самграха» (санскр. धर्मसंग्रह) Макса Мюллера и его японского ученика, коллеги Нандзё: Бунью, Касахара Кэндзю (яп. 笠原研寿) (1852–1883), а в 1908 году Огивара Унрай перевел с санскрита на немецкий язык «Бодхисаттвабхуми» (санскр. बोधिसत्त्वभूमि; яп. 菩薩地經; *Босацутти-кё:*) – классический трактат буддийского мыслителя Асанги о пути становления Бодхисаттвой, опубликовав его у “*G. Kreysing*” в Лейпциге. Примат переводов на европейские языки объяснялся желанием японских ученых популяризировать свои достижения на международном уровне, а также, как в случае с санскритологами из *сангхи*, коими являлись, в том числе, Нандзё: и Касахара, повысить престиж японского буддизма за рубежом. В то же время японские переводы этих публикаций выходили с некоторым отставанием. Например, японский перевод «Бодхисаттвабхуми» вышел под заглавием «Санскритский текст «Бодхисаттвабхуми» (яп. 梵文菩薩地經; *Бонбун Босацутти-кё:*) в Токийском буддийском издательстве «Санкибо: буссёрин» (яп. 山喜房佛書林の本) только в 1930 году. В то же время санскритолог Ватанабэ Кайгёку (яп. 渡辺海旭) (1872–1933) выпустил свой перевод молитвы «Бхадрачарипранидханаараджа» (санскр. भद्राचार्य प्रणिधान राज; яп. 普賢菩薩行願讚; *Фугэн-босацу гё:гансан*) в 1903 году на английском в “*Journal of London Asiatic society*”, а японский перевод вышел в серии публикаций с 1903 по 1908 годы в журнале «Новый буддизм» (яп. *Син буккё:*), опередив его немецкую версию 1912 года [Ко:да, 2015, с. 146–148]. Такая неоднородность в публикационных интервалах объясняется тем, что большая часть переводов выходила изначально именно в виде журнальных публикаций. В Японии с 1874 года существовало множество журналов буддийской тематики, включая вестники отдельных храмов, как, например, «Вестник Дзё:до» (яп. 淨土教報; *Дзё:до Кё:хо:*), и межсектарные издания, в их числе – и ранее упомянутый «Новый буддизм». Названные журналы служили общей площадкой для представителей разных школ и религиоведов, в них перепечатывались статьи японских и зарубежных исследователей, а также письма буддистов из других стран. Однако они не были академическими. Первый японский академический журнал, посвященный изучению буддизма, – «Роща буддийской истории» (яп. 仏教史林; *Буккё: сирин*), появился только в 1894 году, в то время как “*Journal of London Asiatic society*”, издававшийся еще с 1834 года, уже имел солидную репутацию в академических кругах. Это также служило стимулом для японских ученых публиковаться сначала в международных академических изданиях.

Тем не менее уже к концу Мэйдзи прямые переводы с санскрита на японский приобрели массовый характер. Особенно много было обновленных переводов сутр. Так, в серии публикаций для журнала школы О:тани «Неугасимая лампа» (яп. 無盡燈; *Мудзинто:*) с 1903 по 1912 годы Нандзё: Бунью и его коллега Идзуми Хо:кэй (яп. 泉芳璟) (1884–1947) представи-

ли перевод «Лотосовой сутры» (санскр. *सद्धर्मपुण्डरीकसूत्र*; яп. 妙法蓮華經; *Мё:хо: рэнгэ-кё:*) с санскрита и его сравнительный анализ с китайским переводом. Сводный текст статей под заглавием «Сравнение новых переводов Лотосовой сутры с санскрита и китайского языков» (яп. 梵漢対照新訳法華經; *Бонкан тайсё: синъяку хокэкё:*) был опубликован уже в 1913 году в издательстве «Хо:дзо:кан» (яп. 法蔵館). За ним, в 1917 году, Нандзё: опубликовал перевод «Сукхавативьюха-сутры» с санскрита в издательстве «Хакубункан» (яп. 博文館). В 1918 году Идзуми Хо:кэй представил перевод эзотерической «Праздникапарамита-ная шатапаньчашатика-сутры» (санскр. *प्रज्ञापारमितामय-सतपञ्चतिका*; яп. 理趣經; *Рисю-кё:*) в «Вестнике Тидзан» (яп. 智山学報; *Тидзан гакухо:*), журнале при одноименной секте буддийской школы Сингон под заглавием «Рисю-кё на санскрите» (яп. 理趣經の梵本; *Рисю-кё: но бонпон*). А в 1924 году ученик Нандзё: и первый посетивший Тибет японец, Экай Кавагути (яп. 河口慧海) (1866–1945), опубликовал «Перевод Лотосовой сутры из хранилища преданий на санскрите» (яп. 梵蔵伝訳法華經; *Бондзо:-дэн яку Хокэкё:*) – перевод тибетской версии сутры и ее сравнительный анализ с санскритским оригиналом в трех частях от издательства «Кэйбунся» (яп. 慧文社).

Переводили и с пали. Так, в 1918 году Татибана Сюндзё: (яп. 立花俊道) (1877–1955) представил переводы текстов «Суттанипата», «Махавагга», «Тхерагата», «Тхеригата» из Палийского канона [Soda, 1993, p. 120]. Среди других важных текстов, ставших доступными японскому читателю впервые, можно выделить, например, выполненный в 1916 году для Киотского университета санскритологом Сакаки Рё:сабуро: (яп. 榊亮三郎) (1872–1946) перевод Махавьютпатти (санскр. *महाव्युत्पत्ति*) – глоссария соответствий буддийских технических терминов на тибетском и санскрите XVIII–IX веков, а в 1915 году исследователь раннего буддизма Аканума Тидзэн (яп. 赤沼智善) (1884–1937) издал на японском языке перевод Упанишад (санскр. *उपनिषद्*) в издательстве Мориока Исао (яп. 守岡功). По мере становления японской религиоведческой школы, приоритеты ученых постепенно склонялись в пользу локальных публикаций, и к 1930-м годам японские переводы сравнивались с иностранными в сроках публикации.

Наконец, следует обратить внимание на роль индологических исследований в институционализации японской буддологии. Когда в 1877 году открылся Токийский императорский университет, одной из первых внедренных учебных программ корневого факультета искусств и литературы, возглавленного Като Хироюки (яп. 加藤弘之) (1836–1916), стал курс лекций по буддийским текстам. Впоследствии он был переименован в курс индийский философии, поскольку его основу составляли ключевые индийские тексты *Махаянской* традиции [Inoue, 2016, p. 20]. С 1879 года курс читал профессор философии и монах школы *Со:то:-сю:* (яп. 曹洞宗) Хара Тандзан (яп. 原坦山) (1819–1892). В свою очередь, Хара фактически ввел в курс сравнительную философию, подчеркнув общее и различное в западной и восточной мысли. Социология религии и основы религиоведения также преподавались в рамках данной программы, вплоть до образования социологической кафедры в 1893 году под руководством Тояма Масакадзу (яп. 外山正) (1848–1900) [Klautau, 2014, p. 54]. В 1897 году образовалась кафедра буддологии, а в 1901 году – санскритологии. Кафедру санскритологии возглавил ученик Макса Мюллера и коллега Нандзё: Бунъю, Такакусу Дзюндзиро (яп. 高楠順次郎) (1866–1945), а буддологии – Хара Тандзан.

Кафедра санскритологии сосредоточилась на изучении и каталогизации всех доступных на тот момент текстов буддийского канона, благодаря чему к концу Мэйдзи были выпущены два крупнейших словаря буддийских терминов – десяти томный «Большой словарь буддизма» (яп. 佛教大辭典; «*Буккё: дайджитэн*») Мотидзуки Синко: (яп. 望月信亭) (1869–1948) и трех томный «Большой санскрито-китайский словарь буддизма» (яп. 梵漢佛教語大辭典; «*Бонкан тайяку буккё: дзитэн*») Огивара Унрай. В 1924–1934 годы под редакцией

Такакусу и Ватанабэ был издан стотомный труд «Трипитака Тайсё» (яп. 大正大藏經; «*Taishō daidzokē*»), признанный крупнейшим собранием буддийских сутр и трактатов XX века. Каталог, на создание которого ушло 12 лет, заслужил признание как внутри Японии, так и в мировом научном сообществе, став первым крупным достижением японских буддологов на международной арене, и подкрепил интерес молодых ученых к изучению санскрита. Продвигались и исследования пали. Так, в 1896 году Такакусу установил, что сборник палийских комментариев к «Винае Самантапасадика» (санскр. *समन्तप्रासादिकः*) и ее сокращенный китайский перевод «Шаньцзяньлюй пипоша лунь» (кит. 善見律毘婆沙論) – это один и тот же текст [Takakusu, 1896, p. 423]. Впоследствии он также выпустил ряд статей, посвященных многогранности влияния индийского языка и религий на японскую культуру, подчеркнув исторические связи стран. В свою очередь, Ватанабэ Кайгёку в 1906 году сумел идентифицировать и датировать обнаруженный в составе активно изучаемого на тот момент европейскими учеными манускрипта Бауэра, включавшего собрание текстов на гибридном буддийском санскрите, текст «Махамаюри видьяраджни–дхарани–сутры» (санскр. *महामायूरीविद्याराजनिश्चः*; кит. 佛母大孔雀明王經; *Фо му дакунцзюэ минван-цзин*), сопоставив его с китайским переводом. Результаты его работы были опубликованы в известном востоковедческом журнале “The Journal Of The Royal Asiatic Society Of Great Britain And Ireland” [Watanabe, 1907, p. 261–266]. Иными словами, к концу Мэйдзи японские санскритологи уже официально сотрудничали с западными коллегами на равных.

Что касается кафедры буддологии, в начале своего существования она специализировалась на переводе и текстологии неиндийских буддийских источников. В отличие от кафедры санскритологии, представленной преимущественно исследователями, вернувшимся из Европы и Америки, ее основу составили ученые, не обучавшиеся ранее за границей: например, такие религиоведы, как упомянутые ранее Мураками Сэнсё: и Маэда Эун. Таким образом, произошла дифференциация научных интересов – изучение индийского буддизма оказалось закреплено за кафедрой санскритологии, ориентировавшейся на методы западного сравнительного религиоведения, а китайского и японского буддизма – за кафедрой буддологии, сохранившей ориентацию на научные традиции *кокугаку* и *кангаку*.

Наконец, в 1905 году в Токийском университете открылась кафедра религиоведения под руководством Анэсаки Масахару (яп. 姉崎正治) (1873–1949) из школы *Нитирэнсю*: (яп. 日蓮宗), положив начало японской школе теоретического религиоведения. Эта кафедра стала оплотом для ученых, специализировавшихся на религиозных верованиях Японии, однако в обозначенный период именно на этой кафедре появились первые труды, отражавшие собственный взгляд японцев на историю развития индийского буддизма. Так, в 1910 году Анэсаки составил генеалогию «корневого буддизма» (яп. 根本佛教; *конхон буккё*:), то есть самых его ранних ответвлений, восходящих напрямую к Шакьямуни, а в 1914 году Кимура Тайкэн (яп. 木村泰賢) (1881–1930) выпустил труд «История индийской философии и религии» (яп. 印度哲學宗教史; «*Индотэйзугаку сю:кё:си*»), в котором, сравнив индийские буддийские тексты на пали и китайские переводы агамических текстов, попытался выстроить хронологию развития индийского буддизма. Итогом его исследований стала теория о параллельном развитии традиций *Махаяны* и *Хинаяны*, в противовес представлению о *Махаяне* как более позднем учении [Stone, 1990, p. 229].

Институтизация японской буддологии завершилась в 1926 году с возникновением буддологической кафедры во втором крупнейшем японском университете – Киотском, дав толчок распространению религиоведения в программах как государственных, так и частных учебных заведений по всей стране. В отличие от Токийского университета, специализировавшегося на прикладном религиоведении, исследователи Киотского университета сосредоточились на изучении философии религии, как, например, профессор Вацудзи Тэцуро:

(яп. 和辻哲郎) (1889–1960), в 1927 году выпустивший труд «Практическая философия в изначальном буддизме» (яп. 原始仏教の实践哲学; «Гэнси буккё: но дзиссэн тэцугаку»), посвященный интерпретации ранними школами спорных вопросов буддийской метафизики [Хиросава, 2012, с. 22]. Что примечательно – как и в случае с Токийским университетом, где религиоведение, социология и буддология постепенно выделились в отдельные дисциплины из индийской философии, исследования буддизма в Киотском университете велись на кафедре индийских исследований под руководством Мацумото Бундзабуро: (яп. 松本文三郎) (1869–1944), чьим основным интересом был китайский чань-буддизм. Религиоведы Киотского университета также изучали преимущественно китайский буддизм. Поэтому тот факт, что основные исследования в двух ведущих японских университетах курировались индологической кафедрой, наглядно демонстрирует, что индийские текстологические исследования стали основой для японского религиоведения в целом [Stone, 1990, p. 221].

Таким образом, индийские буддийские тексты служили объектом исследования с самого зарождения японской буддологии, а индологические исследования оказались базисом, вокруг которого сформировалось японское академическое религиоведение. Заимствование эмпирических методов западного религиоведения привело не к отказу от *каочжэн*, но к гармоничному комбинированию этих методов, как показало приглашение к преподаванию в университетах ученых обеих традиций. В то же время происходили изменения в подходе к работе с источниками. Первопроходцы японской академической буддологии опирались преимущественно на сравнение китайской и санскритской версий одних и тех же текстов – подход, который заимствовали и европейские ученые, ранее уделявшие меньшее внимание китайским переводам в сравнении с оригинальными источниками. Среди японских же исследователей опора на сопоставление источников на санскрите с китайскими переводами стала постепенно ослабевать. Как показывают примеры Кавагути Экай и Татибана Сюндо, появление все большего количества прямых переводов не только с санскрита, но также с пали и тибетского, расширило возможности японской текстологии. Китаеведческие и индологические исследования же выделились в соответствующие специализации в Токийском и Киотском университетах.

Буддийская индология оказалась тем полем исследований, в котором японская наука, находившаяся еще в процессе поэтапной институализации, доказала свою конкурентоспособность в международном сообществе. Учитывая, что и европейское сравнительное религиоведение было официально введено Максом Мюллером в 1870 году, можно сказать, что данная дисциплина на Западе и в Японии развивалась параллельно, и опыт текстологических исследований индийских текстов служил в этом процессе предметом взаимного интеллектуального обмена. Говоря о институализации дисциплины в Германии, система образования которой в Японии считалась эталоном, то она претерпела схожее с Японией развитие. Как и в Японии, буддизм в Германии изучался в рамках индологических кафедр, начиная с первой кафедры санскритологии в Боннском университете, сформированной в 1818 году под руководством Августа Шлегеля (1767–1845), а также в виде курсов по истории религий в рамках теологических факультетов, например, при Гёттингенском университете в 1890-х годах, и именно индийский буддизм в рамках учебной программы изучался как классический [Lectures on the history of religions, 1910, p. 15, 63]. Это также подтверждает, что японское религиоведение развивалось параллельно европейскому, а санскритологические исследования служили фундаментом для формирования буддологии как академической дисциплины.

Наконец, ряд черт, специфичных для ранней японской буддологии, сохранился и на современном этапе ее существования. По сей день в японском религиоведении сохраняется выраженная текстологическая направленность исследований, равно как японская

буддийская индология до сих пор остается более разработанным полем исследований по сравнению с изучением истории буддизма внутри Японии. И хотя характерный для религиоведения Мэйдзи разрыв был давно преодолен, изменить эту тенденцию до сих пор не удалось.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Inoue K. The Philosophical World of Meiji Japan: The Philosophy of Organism and Its Genealogy. *European Journal of Japanese Philosophy*. 2016. Vol. 1. Pp. 9–30.
- Klautau O. Nationalizing the Dharma: Takakusu Junjirō and the Politics of Buddhist Scholarship in Early Twentieth-Century Japan. *Japanese Religions*. 2014. Vol. 39 (1–2). Pp. 53–70.
- Kornicki P. Empress Shotoku as a Sponsor of Printing. *Tibetan Printing: Comparison, Continuities, and Change*. H. Diemberger, Fr.-K. Ehrhard, P. Kornicki (eds.). Leiden: Brill, 2016. Pp. 45–50.
- Kotyk J. The Study of Sanskrit in Medieval East Asia: China and Japan. *Hualin International Journal of Buddhist Studies*. 2021. Vol. 4.2. Pp. 240–273.
- Lectures on the history of religions*. C.C. Martindale (ed.). London: Catholic Truth Society, 1910.
- Pye M. Modern Japan and the Science of Religions. *Method and Theory in the Study of Religion*. 2003. Vol. 15 (1). Pp. 1–27.
- Rambelli F. The Idea of India (Tenjiku) in Premodern Japan: Issues of Signification and Representation in the Buddhist Translation of Cultures. *Buddhism Across Asia: Networks of Material, Intellectual and Cultural Exchange*, Vol. 1. T. Sen (ed.). Singapore: ISEAS Publishing, 2014. Pp. 259–290.
- Richter U. La tradition de l'antitraditionalisme dans l'historiographie chinoise. *Extrême-Orient, Extrême-Occident*. 1986. Vol. 9. Pp. 55–89.
- Soda K. *Theravada Buddhist studies in Japan*. Calcutta: University of Calcutta, 1993.
- Stone J. A Vast and Grave Task: Interwar Buddhist Studies as an Expression of Japan's Envisioned Global Role. *Culture and Identity: Japanese Intellectuals during the Interwar Years*. Th. Rimer (ed.). Princeton: Princeton University Press, 1990. Pp. 217–233.
- Storm J.A.J. *The Invention of Religion in Japan*. Chicago: University of Chicago Press, 2012.
- Stortini P. Nanjo Bunyu's Sanskritization of Buddhist studies in modern Japan. *Buddhism in the Global Eye: Beyond East and West*. A. Soucy, J.S. Harding, V.S. Hori (eds.). London: Bloomsbury Publishing Plc, 2020. Pp. 137–149.
- Takakusu J. Pali Elements in Chinese Buddhism: A Translation of Buddhaghosa's Samanta-pasadikā, a Commentary on the Vinaya, Found in the Chinese Tripitaka. *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1896. Vol. 28(3). Pp. 415–439.
- Watanabe K. A Chinese Text corresponding to Part of the Bower Manuscript. *The Journal of The Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1907. Vol. 39(2). Pp. 261–266.
- Ко:да Рё:сю: (古宇田亮修). Бункэн гакуса тоситэ но Ватанабэ Кайгёку (Ватанабэ Кайгёку как филолог (文献学者としての渡辺海旭)). Буккё: бунка гаккай киё: (Протоколы Общества буддийской культуры (佛教文化学会紀要)). 2015. №24. С. 145–160 [Kouda Ryoushuu. Watanabe Kaigyoku as a Philologist. *Protocols of the Buddhist Culture Society*. 2015 No. 24. Pp. 145–160 (in Japanese)].
- Окукадзэ Эйко: (奥風栄弘). Бонгаку синрё но тё:са то кэнкю: (Анализ и исследования «Руководства по изучению санскрита» (梵学津梁の調査と研究)). Дисс. на сонск. уч. ст. канд. лит. 18.03.18. Кё:то (Киото(京都)), 2018. [Okukaze Eikou. Analysis and research of the "Manual for the Study of Sanskrit". PhD (Literature) Thesis. Kyoto, 2018 (in Japanese)].
- Хиросава Такаюки (廣澤隆之). Вацудзи Тэцуро: но буккё: рикай (Буддизм в понимании Вацудзи Тэцуро: (和辻哲郎の仏教理解)). Хикаку сисо: кэнкю: (Сравнительные исследования философии (比較思想研究)). 2012. №39. С. 21–32 [Hirosawa Takayuki. Buddhism as understood by Watsuji Tetsuro. *Comparative Thought Research*. 2012. No. 39. Pp. 21–32 (in Japanese)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НОВОСЁЛОВА Евгения Олеговна – аспирант
Института востоковедения РАН, Москва,
Россия.

Evgenia O. NOVOSELOVA, postgraduate
student, Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia.